

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Проанализированы существующие в науке подходы к определению содержания категорий «цель уголовного судопроизводства» и «задачи уголовного судопроизводства». Рассматривается степень достижения задач уголовного судопроизводства в случаях прекращения органами расследования уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление, к которому можно применить освобождение от уголовной ответственности. Предлагаются пути усиления законодательных гарантий прав лиц, потерпевших от преступлений, в подобных ситуациях.

Любое процессуальное решение, которым уголовное дело разрешается по существу, будь то приговор суда или постановление (определение) о прекращении производства по делу, объективно можно считать законным и обоснованным, если при его принятии достигнуты задачи уголовного судопроизводства применительно к конкретному факту, в связи с которым было возбуждено и осуществлялось производство.

В качестве задач уголовного судопроизводства многие современные авторы склонны рассматривать положения, сформулированные в ст. 6 УПК РФ [1; 2. С. 24 и др.]. Высказывается точка зрения, что назначение – это отправной момент уголовно-процессуальной деятельности, исходные задачи, а не ее результат [3. С. 18]; именно в них сформулирован социальный заказ общества [4. С. 30]. Другая часть ученых-процессуалистов нередко отождествляет те же положения закона с целями уголовного судопроизводства [5], указывая при этом на необходимость разграничивать понятия «цели» и «задачи» уголовного судопроизводства. П.С. Элькиндр отмечает, что категория «цель» – философская, а категория «задача» имеет более практическое значение. Если познание направлено на всю систему взаимосвязей данной категории вообще и в сфере конкретных общественных отношений в частности, используется понятие «цель». В тех же случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в определенных правилах поведения, в нормативных актах, и направленности конкретной практической деятельности, целесообразно пользоваться понятием «задачи» [6. С. 37–39].

Трудно не согласиться и с мнением третьей группы авторов, указывающих на то, что содержание ст. 6 УПК РФ отнюдь не охватывает всего спектра задач, реально стоящих перед уголовным судопроизводством, так же, как и не содержит четко сформулированных целей [7. С. 203], которыми и должны определяться задачи любого вида социальной деятельности, в том числе и уголовного судопроизводства.

В теории уголовного процесса встречаются подходы, объединяющие несколько компонентов в качестве целей. Так, Ю.К. Орлов определяет три цели уголовного процесса: установление истины и принятие на этой основе правильного и справедливого решения; соблюдение прав личности при осуществлении судопроизводства; а также упоминает о воспитательно-предупредительном значении уголовного судопроизводства [8. С. 52]. Другой подход предлагает С.П. Ефимичев: главное назначение уголовного судопроизводства состоит в обеспечении законного, обоснованного и справедливого применения к лицам, совершившим преступление, норм уголовного права, устанавливающих уго-

ловную ответственность и наказание за совершение конкретных преступлений [9. С. 5]. Такая позиция в наибольшей степени соответствует задачам уголовного права, сформулированным в ч. 1 ст. 2 УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений). Если исходить из традиционных для российской юридической науки представлений о первичности материального права и его приоритете перед процессуальными нормами, выполняющими обеспечивающую функцию в правоприменении, то упомянутую формулировку цели уголовного судопроизводства можно расценить как достаточную. Остальные исходные, детерминирующие, положения уголовно-процессуального законодательства следует рассматривать в качестве задач.

Проанализируем степень реализации этих задач в случае принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, которые можно разделить на две группы: 1) основания, связанные с освобождением от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон, истечением сроков давности, амнистией, применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия); 2) основания, обусловленные наличием процессуальных препятствий для производства по уголовному делу или уголовного преследования конкретного лица (смерть подозреваемого, обвиняемого; отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело не может быть возбуждено без такового; невозможность повторного уголовного преследования одного и того же лица по одному и тому же обвинению при наличии неотмененного приговора или постановления; невозможность преодоления правового иммунитета отдельных категорий лиц).

В качестве первой задачи рассмотрим защиту прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, причем сюда же предлагается отнести защиту интересов государства и общества в целом [2. С. 24–25], а также основ конституционного строя, нравственности, обороны страны и безопасности государства [10. С. 30], поскольку формулировка ч. 1 ст. 6 УПК РФ носит ярко выраженный частный характер [11. С. 55], что никак не согласуется с традиционно публичным характером российского уголовного процесса.

Следует констатировать, что эта задача более или менее адекватно реализуется лишь при прекращении уголовного преследования в связи с примирением сто-

рон, поскольку в качестве обязательных условий принятия данного процессуального решения закон закрепляет наличие ходатайства потерпевшего и максимально возможное заглаживание виновным лицом причиненного вреда. Применение остальных оснований никак не учитывает мнения потерпевшего и не обусловлено возмещением ущерба (даже при деятельном раскаянии это условие рассматривается лишь в качестве одного из возможных вариантов). Законодатель предоставляет потерпевшему самостоятельно отстаивать свои нарушенные права в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ).

Выход из сложившегося положения нам видится в следующем: с учетом расширения состязательных начал и разделения процессуальных функций контроль законности и обоснованности освобождения обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности, с нашей точки зрения, должен осуществлять только суд, причем с согласия не только прокурора, но и потерпевшего, гражданского истца, если они участвуют в процессе. Представляется также, что прекращение уголовного преследования в связи с освобождением лица от уголовной ответственности должно носить условный (с определенным испытательным сроком) и обратимый характер: в случае совершения новых преступлений в пределах испытательного срока или срока давности привлечения к уголовной ответственности должна сохраняться возможность отмены решения об освобождении от уголовной ответственности и направления уголовного дела в суд для осуждения виновного. Эти условия целесообразно установить в законе для первой группы оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) за исключением истечения сроков давности.

Вторая задача – защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, на наш взгляд, в достаточной мере достигается за счет детальной регламентации в законе условий и порядка прекращения уголовного преследования, возможности обжалования принятого процессуального решения.

Следует обратить внимание на еще одну задачу, не сформулированную в ст. 6 УПК РФ, но вытекающую из содержания ст. 73 и ч. 2 ст. 154 УПК РФ – установление истины по уголовному делу.

Одни авторы утверждают, что познание истины составляет цель уголовного процесса [12. С. 19; 13. С. 54], другие рассматривают ее только как цель доказывания, третьи – и как цель доказывания, и как один из компонентов комплекса целей уголовного процесса, и как его принцип [6. С. 32–33; 14. С. 24]. Отдавая должное приведенным позициям, полагаем, что необходимо все-таки исходить из представлений о познании истины в уголовном процессе не как о самоцели, а как о средстве, без которого объективно не представляется возможным полноценное решение всех остальных задач уголовного судопроизводства [15. С. 48].

Существует мнение, что постановка вопроса о существовании уголовно-процессуальной истины неправомерна, а можно и нужно говорить лишь об истинно-

сти способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата [16. С. 48]. Иными словами, цель – ничто, процесс – все. Однако социальная деятельность, да еще связанная с применением максимально жестких мер государственного принуждения, осуществляемая ради самой деятельности, без четко определенной цели и конкретно сформулированных задач не просто бессмысленна – она очень опасна.

Каким образом согласуется существующий порядок прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям с требованием установления истины, нуждается ли он в установлении истины объективной или только формальной [17. С. 6; 18. С. 14] либо он вообще не направлен на поиск истины?

Нами был проведен опрос сотрудников органов предварительного следствия и специализированных подразделений дознания (опрошено 180 сотрудников органов предварительного следствия и дознания из 16 регионов Сибири и Дальнего Востока), в ходе которого 40% респондентов указали, что решающим мотивом при принятии решения о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям для них является сомнение в достаточности доказательств для направления дела в суд, а 9% – стремление сохранить хорошие показатели в ситуациях, когда из материалов дела фактически усматриваются реабилитирующие основания для прекращения производства. Только 29% сотрудников органов расследования на первое место поставили стремление обеспечить защиту прав и интересов потерпевших, а 16% – стремление дать справедливую юридическую оценку проявленному обвиняемым деятельному раскаянию. Таким образом, серьезным деформирующим фактором, влияющим на принятие сотрудниками органов расследования решений о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, является существующая система критериев оценки их деятельности, в которой прекращение уголовного дела по любым основаниям считалось и считается отрицательным результатом [19].

Стремление к достижению истины не абсолютно и, сталкиваясь с иными охраняемыми законом правами личности, это требование может отходить на второй план. В частности, законом предусмотрен целый ряд случаев, когда лицо вправе отказаться от дачи показаний. С этих позиций консенсуальные производства могут рассматриваться как вполне приемлемое средство решения задач уголовного судопроизводства, но при наличии достаточно надежных процессуальных гарантий, обеспечивающих баланс прав и законных интересов участников процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения (речь идет, прежде всего, о потерпевшем и гражданском истце). Такими гарантиями, как уже было сказано выше, могут послужить, во-первых, обязательное получение согласия потерпевшего (гражданского истца), а также судебный порядок принятия окончательного решения по делу (в настоящее время он уже предусмотрен в качестве обязательного элемента процедуры прекращения уголовного преследования в ст. 427, УПК РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комментарий* к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): 2-е изд., перераб. / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Норма, 2004.
2. *Научно-практический комментарий* к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002.
3. *Сереброва С.П.* О цели современного уголовного судопроизводства России // *Российский судья*. 2005. № 6.
4. *Зажичкий В.И.* О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Государство и право*. 2004. № 4.
5. *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М.: Норма, 2004.
6. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
7. *Даровских Ю.В.* Функции уголовного процесса: соотношение задач уголовного закона и назначения судопроизводства // *Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях*. Тюмень, 2005.
8. *Орлов Ю.* Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // *Российская юстиция*. 2004. № 2.
9. *Ефимичев С.П.* Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // *Российский следователь*. 2005. № 1.
10. *Смирнов А.В.* Уголовный процесс: Учеб. для вузов / Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004.
11. *Багаудинов Ф.* Отражение публичных и личных интересов в принципах уголовного судопроизводства // *Уголовное право*. 2002. № 4.
12. *Тыричев И.В.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1983.
13. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.
14. *Мотовиловкер Я.О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль: Ярослав. ун-т, 1978.
15. *Штилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: Изд-во БГУ, 1974.
16. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту: Тартуский ун-т, 1991. С. 48.
17. *Мухин И.И.* Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
18. *Азаров В.А.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? // *Вестник Томского государственного университета*. 2003. Прил. № 4.
19. *Вопросы* оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте: Приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650.

Статья поступила в редакцию журнала 13 ноября 2006 г., принята к печати 20 ноября 2006 г.